

УДК 1751

DOI: 10.18384/2310-7278-2023-1-87-97

ИДЕЙНО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА Н. М. КАРАМЗИНА В СТАТЬЕ «ПАНТЕОН РОССИЙСКИХ АВТОРОВ»

Джанумов С. А., Петухов А. Д.

Московский городской педагогический университет

129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, д. 4, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Сформулировать некоторые аспекты литературно-критической концепции Н. М. Карамзина, основываясь на анализе его сочинения «Пантеон российских авторов» (1802).

Процедура и методы. Обращается внимание на то, что Карамзин использует слово «пантеон» как литературный сборник, включающий не только сочинения различных авторов, но и различных жанров. В работе на ряде примеров показано своеобразие анализа, характеристики и оценки Карамзиным литературных портретов русских писателей. При этом обнаруживается интерес автора «Пантеона...» не только к писательским биографиям, но и к индивидуальным особенностям творчества того или иного писателя. Перед нами налицо своеобразная периодизация истории русской литературы XVIII столетия, эскизно прочерченная Карамзиным. И в методологическом отношении показательно, что она почти полностью совпадает с современной периодизацией отечественной литературы XVIII в.

Результаты. Подчеркивается, что в «Пантеоне...» Карамзин выступает не только как критик, но и как историк русской литературы XVIII столетия. Несмотря на сходство в структуре словарных статей в «Опыте исторического словаря о российских писателях» (1772) Н. И. Новикова и цикла литературных портретов в «Пантеоне российских авторов», Карамзин совершенно оригинален в отборе и подаче материала, в историко-литературной оценке рассматриваемых писателей, в критическом методе анализа, не говоря уже о субъективном и равнодушном, часто повышенно-эмоциональном тоне очерков в отличие от нарочито бесстрастного и несколько суховатого слога словарных статей Н. И. Новикова.

Теоретическая и/или практическая значимость. В работе обобщён материал по исследуемой теме, рассмотрены основные положения и особенности цикла литературных портретов «Пантеона российских авторов» Карамзина. Но при этом уделено внимание лишь наиболее значительным писателям XVIII в. (Феофану Прокоповичу, А. Д. Кантемиру, В. К. Тредиаковскому, М. В. Ломоносову, А. П. Сумарокову), насколько это позволяли сделать рамки статьи. Анализ очерков и миниатюр «Пантеона...» помогает определить место и значение Н. М. Карамзина в истории русской литературной критики. Практическая значимость выполненного исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы при изучении истории русской литературы XVIII столетия в вузовских курсах, спецкурсах и спецсеминарах.

Ключевые слова: индивидуальные особенности, история литературы, литературная критика, литературный портрет, писательские биографии, творчество

IDEOLOGICAL AND AESTHETIC PROGRAM OF N. M. KARAMZIN IN THE ARTICLE “PANTHEON OF THE RUSSIAN AUTHORS”

S. Dzhanumov, A. Petukhov

Moscow City Pedagogical University

proezd Vtoroi Selskokhozyaystvennyi 4, Moscow 129226, Russian Federation

Abstract

Aim. The purpose of the study is to formulate some aspects of the literary-critical concept of N. M. Karamzin, based on the analysis of his work “Pantheon of the Russian Authors” (1802).

Methodology. Attention is drawn to the fact that Karamzin uses the word “pantheon” as a literary collection, which includes not only the works of various authors, but also of various genres. Using several examples, we show the originality of Karamzin’s analysis, as well as characterization and evaluation of literary portraits of Russian writers. At the same time, the interest of the author of “Pantheon ...” is revealed not only in writers’ biographies, but also in the individual characteristics of the work of this or that writer. A peculiar periodization of the history of the Russian literature of the 18th century, outlined by Karamzin, is presented. Methodologically, it is significant that it almost completely coincides with the modern periodization of the Russian literature of the 18th century.

Results. It is emphasized that in the “Pantheon ...” Karamzin acts not only as a critic, but also as a historian of the Russian literature of the 18th century. Despite the similarity in the structure of dictionary entries in the “Experience of a Historical Dictionary of the Russian Writers” (1772) by N. I. Novikov and the cycle of literary portraits in the “Pantheon of the Russian Authors”, Karamzin is completely original in the selection and presentation of material, in the historical and literary assessment of the writers in question, and in the critical method of analysis, not to mention the subjective and indifferent, often highly emotional tone of the essays, in contrast to deliberately dispassionate and somewhat dry style of N. I. Novikov.

Research implications. The paper summarizes the material on the topic under study, discusses the main provisions and features of the cycle of literary portraits of Karamzin’s “Pantheon of the Russian Authors”. But at the same time, attention is paid only to the most significant writers of the 18th century (Feofan Prokopovich, A. D. Kantemir, V. K. Trediakovsky, M. V. Lomonosov, A. P. Sumarokov), as far as the scope of the paper allowed. Analysis of the essays and miniatures of the “Pantheon ...” helps determine the place and significance of N. M. Karamzin in the history of Russian literary criticism. The practical significance of the investigation is that its results can be used in the study of the history of the Russian literature of the 18th century in university courses, special courses, and special seminars.

Keywords: individual features, history of literature, literary criticism, literary portrait, writer’s biographies, creativity

Введение

Цель исследования – сформулировать некоторые аспекты литературно-критической концепции Н. М. Карамзина, основываясь на анализе его сочинения «Пантеон российских авторов» (1802). Как указывает в комментарии к этому циклу литературных портретов Г. П. Макогоненко, «одним из главных источников был “Опыт исторического словаря о российских писателях” Н. Новикова, изданный в 1772 г.»¹. В своей монографии «Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века»²

Г. П. Макогоненко отмечает, что, «собрав воедино сведения о русских писателях, и прежде всего о писателях XVIII века, Новиков смог убедительно доказать обществу, что в России есть литература, есть множество различных не только духовных, но и светских писателей» [6, с. 171].

Словарь Н. И. Новикова включал 315 имён, «Пантеон российских авторов» Карамзина – намного меньше: всего 25 имён. Да и по объёму словарные статьи Н. И. Новикова значительно превышали карамзинские. Так, например, в «Опыте исторического словаря...» статья об А. Д. Кантемире размещена на нескольких страницах, заметка же (поскольку её трудно назвать полноценной словарной статьёй) Карамзина о первом русском сатирике занимает одну страницу, что, конечно, не преуменьшает её ценности.

¹ Макогоненко Г. П. Комментарии // Карамзин Н. М. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Критика. Публицистика. Главы из «Истории государства Российского». Л.: Художественная литература, 1984. С. 397.

² Макогоненко Г. П. Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века. М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1952. 548 с.

Структура словарных статей в «Опыте исторического словаря...» и в «Пантеоне российских авторов» почти идентична: сначала приводятся краткие биографические сведения о писателе, затем даётся сжатая характеристика его творчества. Самый отбор писателей представлял известные трудности для составителей «Опыта исторического словаря...» и «Пантеона российских авторов». В предисловии к своему словарю Н. И. Новиков сообщает: «Я старался собирать имена всех наших писателей; но при отпечатании моей книги получил я ещё о многих известие; а сие самое подаёт надежду, что и ещё многие откроются»¹. Карамзин же в письме к И. И. Дмитриеву от 18 августа 1798 г. несколько иначе определяет цель своего сочинения: «Пантеон (здесь и ниже курсив Карамзина. – С. Д., А. П.) издаю не для Университета, а для Публики, которая не стала бы его читать, если бы в нём не было ничего, кроме Демосфена, Цицерона и других классических раторов»².

В данном обзоре Карамзин выступает не только как критик, но и как историк отечественной литературы. Показателен самый выбор «российских авторов», начиная от легендарного Бояна, несколько раз упомянутого в «Слове о полку Игореве», летописца Нестора и кончая писателем второй половины XVIII в. Михаилом Ивановичем Поповым (у Карамзина имя этого автора даётся в несколько просторечной форме: «Попов Михайло»). Неслучайно и то, что все эти авторы объединены в статье высоким словом «пантеон», т. е. как собрание, совокупность имён, достойных памяти потомков (у древних греков «пантеон» – храм, посвящённый всем богам). Впрочем, Карамзин иногда употребляет это слово в несколько ином значении. Например, в цитирувавшемся выше письме к И. И. Дмитриеву Карамзин использует

данное слово как литературный сборник, включающий сочинения не только различных авторов, но и различных жанров: «Пантеон литературы должен быть не что иное, как собрание *всякого* рода творений, и важных и неважных; следственно, тут может быть и сказка, и отрывок, и арабский анекдот; иное для слога, другое для любопытства»³.

Поэтому не должно удивлять включение Карамзиным в «Пантеон российских авторов» наряду с именами светских писателей и таких исторических лиц, как патриарх Никон, царевна Софья; историков: боярина Артамона (у Карамзина – «Артемон») Сергеевича Матвеева, российского «резидента» и «министра» (посла) в Швеции князя Андрея Яковлевича Хилкова, Василия Никитича Татищева; духовных писателей: автора «Миней» митрополита Ростовского и Ярославского Димитрия Туптало, стихотворцев: Семёна Климовского, Петра Буслаева; проповедников: архиепископа Санкт-Петербургского и Ревельского Сильвестра Кулябку, епископа Псковского и Нарвского Гедсона, митрополита Новгородского Димитрия Сеченова; путешественника Степана Крашенинникова.

Но нас больше интересуют характеристика и оценка Карамзиным в его очерках русских светских писателей. И первое, на что необходимо обратить внимание и что отметила Н. Д. Кочеткова в одной из глав «Очерков истории русской литературной критики»⁴, – это «интерес Карамзина к писательским биографиям»: «В “Пантеоне российских авторов” (1802) он стремился нарисовать литературный портрет, подчеркнув индивидуальные особенности писателя» [5, с. 145].

По существу, каждая из заметок, посвящённых русским писателям, представляет собой предельно краткий очерк биографии и творчества того или иного автора. Как писал Карамзин в авторецензии «Пантеон русских авторов» на изданный

¹ Цит. по: Новиков Н. И. Избранное / сост. В. Мильчиной; вступ. ст., комм. А. Пескова. М.: Правда, 1983. С. 426.

² Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву / прим., указ. Я. Грота, П. Пекарского. СПб.: В типографии императорской Академии наук, 1866. С. 98.

³ Там же.

⁴ Очерки истории русской литературной критики: в 4 т. Т. 1: XVIII – первая четверть XIX века. СПб.: Наука, 1999. 367 с.

П. Бекетовым альбом «Пантеон российских авторов, или Собрание их портретов, с замечаниями», «...истинный век авторский (курсив Карамзина. – С. Д., А. П.) начался в России со времён Петра Великого: ибо искусство писать есть действие просвещения. Феофан и Кантемир составляют сию первую эпоху; за нею следует эпоха Ломоносова и Сумарокова; третью должно назвать время Екатерины Великой, уже богатое числом авторов; а четвёртой... (возможно, имеется в виду будущая литература первой четверти XIX века. – С. Д., А. П.) мы ещё ожидаем...»¹.

Таким образом, перед нами налицо своеобразная периодизация истории русской литературы XVIII столетия, эскизно прорисованная Карамзиным. И показательно, что она почти полностью совпадает с современной периодизацией отечественной литературы XVIII века.

Цикл литературных портретов в «Пантеоне российских авторов»

Рассмотрим основные положения цикла очерков «Пантеон российских авторов», придерживаясь той последовательности, которую наметил Карамзин в указанной выше авторецензии (мы остановимся только на нескольких, наиболее значительных писателях XVIII столетия, включённых Карамзиным в свой «Пантеон...»).

Какие качества и особенности таланта наиболее заметного и даровитого писателя, проповедника и публициста петровского времени отмечает Карамзин в очерке «Феофан Прокопович»? В первую очередь то, что Феофан был «учёный богослов и природный оратор. В речах его, духовных и светских, рассеяно множество цветов красноречия.... Мысль, что Пётр Великий бывал часто его слушателем...»², по мнению Карамзина, вдохновляла этого проповедника.

По-видимому, здесь Карамзин имеет в виду речи Феофана, обращённые непосредственно к Петру Великому или произнесённые в его присутствии, например, «Слово приветственное», которым он 5 июля 1706 г. встретил Петра I в Софийском соборе Киева, куда царь-преобразователь прибыл для основания Печерской крепости. Как известно, в «Слове приветственном» Феофан высоко оценил деяния Петра, его воинские победы и просветительскую деятельность.

Через три года, 14 июля 1709 г., Феофан Прокопович произнёс в присутствии Петра I «Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе...», в которой обосновал причины Северной войны, подчеркнув историческое и политическое значение Полтавской битвы и личную роль царя в организации триумфальной победы над дотоле непобедимым шведским войском: «Дело воистину неслыханное, дело преславное...! Победи бо величество от супостата побеждённого, како силен, страшен и славен есть, к тому же от лютоги брани, от тяжести подвигов, от великих нужд и различных препятий познавается».

Карамзин подмечает, что проповеди Прокоповича не просто цветистые и хорошо оснащённые риторическими приёмами речи незаурядного оратора, но и то, что они были продиктованы искренним преклонением перед безмерностью, говоря словами А. С. Пушкина, «славных дел Петра» (характерно, что и Карамзин в связи с речами Феофана говорит о «великих делах его...» (т. е. Петра I). Живое, непосредственное, как пишет Карамзин, «жаркое чувство» и придавало речам Прокоповича особую силу: «...вот прелесть Феофановых речей, которая всегда будет действовать на русское сердце!»³.

В подтверждение высокого ораторского таланта Феофана Прокоповича можно привести ещё один фрагмент из другой речи этого проповедника и публициста – «Слова похвального в день рождения благороднейшего государя цесаревича и ве-

¹ Карамзин Н. М. Сочинения: в 2 т. Т. 2: Критика. Публицистика. Главы из «Истории Государства Российского» / сост., комм. Г. П. Макогоненко. Л.: Художественная литература, 1984. С. 127.

² Там же. С. 103.

³ Там же. С. 104.

ликого князя Петра Петровича», произнесённого в связи с рождением в 1715 г. сына Петра Великого и его жены Екатерины Алексеевны, где Прокопович сравнивал новую Россию с древней, допетровской, выразительно говорил о несомненных успехах петровских преобразований и реформ: «То, что котормы нас гнушались яко грубых, ищут усердно братерства нашего; котормы безчестили, славят; котормы грозили, боятся и трепещут; котормы презирали, служати нам не стыдятся...»¹.

Важно и то, что Карамзин видит в Прокоповиче непосредственного предтечу М. В. Ломоносова: «...будучи предшественником Ломоносова, он (Феофан. – С. Д., А. П.) не похитил у него славы быть нашим лучезарным Фебом»². Наконец, Карамзин впервые обратил внимание на то, что именно Прокопович по достоинству оценил сатирическое дарование Антиоха Кантемира: «...первый открыл талант молодого Кантемира; ободрял, наставлял его и вместе с ним писал стихи: два человека, с коими, по тогдашнему времени, никто не мог спорить в остроумии и в учёности»³.

Как известно, Феофан Прокопович, ознакомившись с первой сатирой Антиоха Карамзина «На хулящих учения. К уму своему» (1729), в специальном стихотворном послании поздравил начинающего автора с таким блестящим дебютом:

Не знаю, кто ты, пророче рогатый,
Знаю, коликотой достоин ты славы...

(более подробно о послании Феофана к Кантемиру см. [1, с. 96–118]).

Первый опыт научного издания речей Феофана Прокоповича был осуществлён в XVIII веке под заглавием: «Феофана Прокоповича ... слова и речи поучительные, похвальные и поздравительные» (ч. I,

¹ Феофан Прокопович. Сочинения / под ред. И. П. Еремина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 46.

² Карамзин Н. М. Сочинения: в 2 т. Т. 2: Критика. Публицистика. Главы из «Истории Государства Российского» / сост., комм. Г. П. Макогоненко. Л.: Художественная литература, 1984. С. 104.

³ Там же.

СПб., 1760; ч. II, СПб., 1761; ч. III, СПб., 1765). Здесь были напечатаны 53 произведения. Скорее всего, Карамзин, говоря о «прелести Феофановых речей», имел в виду именно это издание.

Как отмечает в своей статье «Литературная позиция Н. М. Карамзина периода “Вестника Европы”» Л. А. Сапченко, «оценка произведения отнюдь не навязывается критиком: он даёт слово самому автору (цитируя его) и апеллирует к справедливому суждению и благородному вкусу читателя» [7, с. 109]. Это мнение ведущего исследователя творчества Карамзина вполне применимо и к словарной статье «Феофан Прокопович» в «Пантеоне российских авторов»: «Когда же оратор в кипении горести, в отчаянии сердца восклицает: “Что делаем? Петра Великого погребаем!..”, и теперь, и теперь ещё благодарные сыны отечества рыдают с ним!»⁴.

Следующий известный писатель XVIII столетия, которому посвятил свой этюд Карамзин в «Пантеоне российских авторов», – «князь Кантемир Антиох Дмитриевич». Карамзин называет Кантемира «нашим Ювеналом», т. е. считает, что по своему дарованию Кантемир не уступает знаменитому римскому поэту-сатирику Дециму Юнию Ювеналу, обличителю пороков современного ему общества, автору 16 сатир (как известно, у Кантемира их вдвое меньше – 8).

Карамзин даёт довольно высокую оценку сатирам Кантемира: «Сатиры его были первым опытом русского остроумия и слога»⁵. Вообще в этом очерке довольно большое внимание уделяется слогу Кантемира и других авторов. Карамзин даже предлагает своеобразную периодизацию русской литературы XVIII века, исходя из слога писателей: «Он (Кантемир. – С. Д., А. П.) писал довольно чистым языком и мог по справедливости служить образцом для современников, так что, разделяя слог наш на эпохи, *первую* (здесь и

⁴ Карамзин Н. М. Сочинения: в 2 т. Т. 2: Критика. Публицистика. Главы из «Истории государства Российского» / сост., комм. Г. П. Макогоненко. Л.: Художественная литература, 1984. С. 104.

⁵ Там же. С. 105.

ниже курсив Карамзина. – С. Д., А. П.) должно начать с Кантемира, *вторую* – с Ломоносова, *третью* – с переводов *славяно-русских* господина Елагина и его многочисленных подражателей, а *четвёртую* – с нашего времени, в которое образуется *приятность слога*¹.

Вместе с тем Карамзин критикует стихосложение Кантемира за отсутствие «истинной меры», хотя и признаёт за ним неоспоримое право на гармонию: «...долгие и короткие слоги смешаны без разбора, – но есть гармония»² (напомним, что в начале XIX века и позднее под «метром» или «мерой» понимали стихотворный размер, стопу или даже самую общую схему звукового ритма стиха. Так, Н. Остолопов в своём «Словаре древней и новой поэзии» (1821) даёт следующее определение «метра»: «МЕТР. В поэзии называется сим именем всякая стопа или мера, входящая в стихосложение»³. Вспомним также пушкинскую шутивно-ироническую характеристику стихов в альбоме «уездной барышни» в четвёртой главе «Евгения Онегина»: «Сюда, на зло правописанью, / Стихи без меры (то есть без соблюдения стихотворного размера, ритма. – С. Д., А. П.), по преданью / В знак дружбы верной внесены, / Уменьшены, продолжены»⁴.

Карамзин полагает, что «в прозе он (Кантемир. – С. Д., А. П.) лучше выражал свои, нежели чужие мысли: например, стиль в предисловии к Фонтенелевой книге “О множестве миров” несравненно глаже, нежели в самом переводе». В конце очерка Карамзин пытается набросать психологический портрет Кантемира, проникнуть в «тайные сгибы... сердца» и души этого писателя, причём души «нежной» и «чув-

ствительной», что особо отмечает в соответствии с эстетикой русского сентиментализма автор очерка: «...Кантемир имел острый взор для замечания тайных сгибов человеческого сердца и лёгкое перо для описания своих замечаний. ... Любовь к наукам и словесности, следствие нежного образования души, всегда бывает соединена с благородным влечением к дружбе, которая, питая чувствительность, даёт уму ещё более силы и парения»⁵.

Ещё один выдающийся русский поэт, филолог, переводчик, хотя и сжато, но ёмко представленный в «Пантеоне российских авторов» – «Тредиаковский Василий Кирилович» (у Карамзина отчество этого писателя с одной буквой «л» от имени «Кирила»). Любопытно, что ещё П. А. Вяземский в своей «Старой записной книжке» увидел в Тредиаковском своеобразного предтечу Карамзина в преобразовании русского языка, что впервые отметила в содержательной статье «В. К. Тредиаковский и Н. М. Карамзин (К постановке проблемы)» Т. А. Алпатова [3, с. 219–220]. В той же статье рассмотрена типологическая общность «...художественных исканий Тредиаковского и Карамзина в сфере стратегий авторского поведения и поэтики психологического повествования...» [3, с. 237].

Но, в соответствии с предметом нашей статьи, нас в данном случае интересует оценка Карамзиным в его «Пантеоне...» Тредиаковского как писателя, филолога и переводчика. Не отрицая учёности и трудолюбия Тредиаковского, Карамзин всё же отказывает ему в поэтическом даровании и вкусе: «Если бы охота и принадлежность могли заменить дарование, кого бы не превзошёл Тредиаковский в стихотворстве и красноречии? ... Не только дарование, но и самый вкус не приобретается; и самый вкус есть дарование. Учение образует, но не производит автора»⁶.

¹ Карамзин Н. М. Сочинения: в 2 т. Т. 2: Критика. Публицистика. Главы из «Истории Государства Российского» / сост., комм. Г. П. Макогоненко. Л.: Художественная литература, 1984. С. 105.

² Там же.

³ Словарь древней и новой поэзии, составленный Николаем Остолоповым: в 3 ч. Ч. 2. СПб.: В типографии императорской Российской академии, 1821. С. 186.

⁴ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. VI. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 85.

⁵ Карамзин Н. М. Сочинения: в 2 т. Т. 2: Критика. Публицистика. Главы из «Истории Государства Российского» / сост., комм. Г. П. Макогоненко. Л.: Художественная литература, 1984. С. 105–106.

⁶ Там же. С. 107.

Правда, ниже Карамзин старается смягчить свой резкий и нелицеприятный отзыв о Тредиаковском, замечая, что «однако ж труды его были не совсем бесполезны. Он первый изъяснил на русском языке меру стихов и перевёл «Древнюю историю...» (имеются в виду следующие труды Тредиаковского: трактат «Новый и краткий способ к сложению российских стихов», изданный в 1735 г., и перевод «Древней истории» (в 10 томах) французского историка Шарля Роллена, изданный в Санкт-Петербурге в 1749–1762 годах. – С. Д., А. П.)»¹. Как известно, именно за филологические труды высоко ценил Тредиаковского А. С. Пушкин «Тредиаковский был, конечно, почтенный и порядочный человек. Его филологические и грамматические изыскания очень замечательны. Он имел о русском стихосложении обширнейшее понятие, нежели Ломоносов и Сумароков»² (более подробно о проблеме «Пушкин и Тредиаковский» см.: [2, с. 217–228]).

И хотя Карамзин заканчивает свою словарную статью о Тредиаковском на примирительной ноте («Имя Тредиаковского будет известно самым отдалённым потомкам»), всё же он не удержался от того, чтобы не привести старый анекдот о насмешках над «Тилемахидой» в окружении Екатерины II: «Екатерина II, любя успехи российского языка, желала, чтобы в избранном обществе «Эрмитажа» все говорили по-русски. Её воля была законом. Но законодатель должен предвидеть и неисполнение: какое же наказание определила монархия для преступников? За всякое иностранное слово, вмешенное в разговор, виновный осуждался прочесть сто стихов из «Тилемахиды» Тредиаковского»³.

¹ Карамзин Н. М. Сочинения: в 2 т. Т. 2: Критика. Публицистика. Главы из «Истории Государства Российского» / сост., комм. Г. П. Макогоненко. Л.: Художественная литература, 1984. С. 108.

² Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. XI. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 254.

³ Карамзин Н. М. Сочинения: в 2 т. Т. 2: Критика. Публицистика. Главы из «Истории Государства Российского» / сост., комм. Г. П. Макогоненко. Л.: Художественная литература, 1984. С. 108.

Свою статью о М. В. Ломоносове Карамзин, как обычно, начинает с кратких биографических данных об этом великом русском учёном, замечательном поэте и филологе, напоминая хорошо всем известные даты его рождения и смерти: «Родился в 1711, умер в 1765 году»⁴. И чуть ниже Карамзин отмечает чудесное превращение «сына бедного рыбака» в известного поэта: «Рождённый под хладным небом Северной России, с пламенным воображением, сын бедного рыбака, сделался отцом российского красноречия и вдохновенного стихотворства. ... Он вписал имя своё в книгу бессмертия, там, где сияют имена Пиндаров, Горациев, Руссо»⁵.

Как известно, уже в XVIII веке Ломоносов приобрёл у соотечественников титул «российского Пиндара» (потом этот эпитет прилагали и к Г. Р. Державину). Кажется, впервые сравнил Ломоносова с Пиндаром А. П. Сумароков в своей «Епистоле о стихотворстве» (1747): «Он наших стран Мальгерб (имеется в виду Франсуа Малерб – французский поэт XVI века, создатель апофеозных од. – С. Д., А. П.), он Пиндару подобен»⁶. В статье «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова» (1825) Пушкин, приводя эту характеристику Ломоносова, отмечает, что «... Сумароков с большой точностью определил в одном полустихии истинное достоинство Ломоносова-поэта»⁷. Поэтому неслучайно, что и Пушкин уподобляет «отца русской поэзии» древнегреческому поэту I века до н. э., который также разрабатывал в своём творчестве едва ли не все известные жанры торжественной хоровой лирики и, прежде всего, жанр оды.

Говоря о поэтическом даровании Ломоносова, Кантемир подчёркивает его приверженность лирике, гораздо ниже оценивая его эпическую поэзию и драма-

⁴ Там же. С. 110.

⁵ Там же.

⁶ Сумароков А. П. Стихотворения / вступ. ст., подгот. текста, прим. П. Н. Беркова. Л.: Сов. писатель, 1953. С. 147.

⁷ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. XI. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 33.

тургию: «Лирическое стихотворство было собственным дарованием Ломоносова. Для эпической поэзии нашего века не имел он, кажется, достаточной силы воображения... Трагедии писаны им единственно по воле монархини; но оды его будут всегда драгоценностию российской музы. ... Никто из последователей Ломоносова в сем роде стихотворства не мог превзойти его, ниже сравняться с ним»¹.

Карамзин заключает свою миниатюру о Ломоносове призывом сохранить и увековечить память об этом российском гении: «Если гений и дарования ума имеют право на благодарность народов, то Россия должна Ломоносову монументом»².

Значение очерка о Ломоносове состоит в том, что, во-первых, Карамзин верно определил его место в истории русской литературы (счастливым найденное автором «Пантеона...» определение Ломоносова как «отца... вдохновенного стихотворства» будет через 13 лет перефразировано в записи из лицейского дневника Пушкина от 17 декабря 1815 г.: «Он (А. А. Шаховской. – С. Д., А. П.) представил отца русской поэзии в кабаке...»³); во-вторых, Карамзин дал справедливую и высокую оценку Ломоносову не только как поэту, но и как оратору, «отцу российского красноречия»: «... талант великого оратора блистает в двух похвальных речах его, которые и теперь должно назвать одним из лучших произведений российского, собственно, так называемого красноречия»⁴.

По-видимому, говоря о «двух похвальных речах» Ломоносова, Карамзин имеет в виду «Слово похвальное ... Елизавете

Петровне...», которое Ломоносов произнёс 26 ноября 1749 г. и которое с восторгом было принято при дворе императрицы, а также «Слово похвальное Петру Великому» (произнесено на торжественном академическом собрании 26 апреля 1755 г.), где, как и в своей знаменитой оде «на день восшествия на престол Елисаветы Петровны» 1747 г., автор «Слова похвального...» настойчиво призывает дочь Петра следовать его примеру: «...по справедливости всех дел и похвал его великая наследница. Следовательно, похвалия Петра, похвалим Елисавету»⁵.

Свой очерк о Сумарокове в «Пантеоне...» Карамзин, к сожалению, начинает с неточного указания на дату рождения писателя: «Родился 1718, умер в 1777 году»⁶ (на самом деле А. П. Сумароков родился 14 (25) ноября 1717 г.). По структуре очерк Карамзина, как и в остальных случаях, во многом идентичен словарной статье Н. И. Новикова в его «Опыте исторического словаря о российских писателях» (кстати, Н. И. Новиков правильно указывает дату рождения Сумарокова).

Как и Н. И. Новиков, Карамзин прежде всего отмечает заслуги Сумарокова во многих родах литературы: «Подобно Вольтеру, он (Сумароков. – С. Д., А. П.) хотел блистать во многих родах – и современники называли его нашим Расином, Мольером, Лафонтеном, Буало» (ср. у Н. И. Новикова в его «Опыте исторического словаря: «И хотя первый он из россиян начал писать трагедии по всем правилам театрального искусства, но столько успел во оных, что заслужил название северного Расина; «...притчи его почитаются сокровищем российского Парнаса; и в сем роде стихотворения далеко превосходит он Федра и де Лафонтена, славнейших в сем роде»⁷).

¹ Карамзин Н. М. Сочинения: в 2 т. Т. 2: Критика. Публицистика. Главы из «Истории Государства Российского» / сост., комм. Г. П. Макогоненко. Л.: Художественная литература, 1984. С. 110–111.

² Карамзин Н. М. Сочинения: в 2 т. Т. 2: Критика. Публицистика. Главы из «Истории Государства Российского» / сост., комм. Г. П. Макогоненко. Л.: Художественная литература, 1984. С. 111.

³ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. XII. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 302.

⁴ Карамзин Н. М. Сочинения: в 2 т. Т. 2: Критика. Публицистика. Главы из «Истории Государства Российского» / сост., комм. Г. П. Макогоненко. Л.: Художественная литература, 1984. С. 111.

⁵ Ломоносов М. В. Сочинения / вступ. статья и прим. А. А. Морозова. М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1961. С. 442.

⁶ Карамзин Н. М. Сочинения: в 2 т. Т. 2: Критика. Публицистика. Главы из «Истории Государства Российского» / сост., комм. Г. П. Макогоненко. Л.: Художественная литература, 1984. С. 111.

⁷ Новиков Н. И. Избранное. М.: Правда, 1983. С. 446–447.

Карамзин более объективно оценивает талант Сумарокова-баснописца: «Но признавая (вместе со всеми) басни Сумарокова лучшим его творением, мы не сравниваем их с Лафонтеновыми стихами. Русский басенник может нравиться только лёгкостию и резкою сатирою; Лафонтен также колет глаза пороку, но всегда с видом неизъяснимого добродушия: Сумароков язвит сильным стихом без пощады»¹.

Говоря о трагедиях Сумарокова, Карамзин совершенно справедливо указывает на то, что историзм его драматургии носит ещё условный характер: «...называя героев своих именами древних князей русских, не думал соображать свойства, дела и язык их с характером времени»².

В своём очерке Карамзин постоянно и последовательно сопоставляет творчество Сумарокова и Ломоносова, а главное, – видит в обоих писателях «...счастливое рождение нашего *нового* (курсив Карамзина. – С. Д., А. П.) стихотворства». В области поэзии Карамзин отдаёт приоритет Ломоносову, в области драматургии – Сумарокову: «Имя Сумарокова было в своё время так же велико, как имя Ломоносова. Один славил Елизавету на лире и на кафедре академической; другой пленял её чувствительность драматическими картинами на сцене»³.

Сравнение Сумарокова с Ломоносовым было не новым для русской критики и публицистики. Ещё А. Н. Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву» (1790) называл Сумарокова «отменным стихотворцем» и видел в нём прямого наследника поэтической лиры Ломоносова: «...великий муж может родить великого мужа, – и се венец твой победоносный. О! Ломоносов, ты произвёл Сумарокова»⁴.

Таким образом, в своём очерке о Сумарокове Карамзин отмечает, что литературное наследие рассматриваемого писателя отличается исключительной широтой и разнообразием, признаёт, хотя и с оговоркой, его неоспоримые заслуги в жанре трагедии: «Но многие стихи в его трагедиях нежны и милы; многие сильны и разительны. Довольно для вечной славы поэта, открывшего в России сцену Мельпомены!»⁵.

Заключение

Если же оценивать в целом историко-литературное значение «Пантеона российских авторов» Карамзина, можно сослаться на суждение С. Б. Кохановой в её кандидатской диссертации «Н. М. Карамзин – литературный критик» (М., 1992): «В «Пантеоне российских авторов» особенно заметно объединение научно-критической мысли и художественного таланта Карамзина. Это сочинение оказалось как бы связующим звеном двух этапов творчества писателя, соединив в себе уже разработанные принципы в оценке литературного процесса с появляющимися новыми подходами критического осмысления словесного искусства» [4, с. 15]. Несмотря на сходство в структуре словарных статей в «Опыте исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова и цикла литературных портретов в «Пантеоне российских авторов», Карамзин совершенно оригинален в отборе и подаче материала, в историко-литературной оценке рассматриваемых писателей, в критическом методе анализа, не говоря уже о субъективном и неравнодушном, часто повышено-эмоциональном тоне очерков в отличие от нарочито бесстрастного и несколько суховатого слога словарных статей Н. И. Новикова.

Статья поступила в редакцию 07.11.2022.

¹ Карамзин Н. М. Сочинения: в 2 т. Т. 2: Критика. Публицистика. Главы из «Истории Государства Российского» / сост., комм. Г. П. Макогоненко. Л.: Художественная литература, 1984. С. 111–112.

² Там же. С. 112.

³ Там же. С. 111.

⁴ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность / изд. подгот. В. А. Западов. СПб.: Наука, 1992. С. 121.

⁵ Карамзин Н. М. Сочинения: в 2 т. Т. 2: Критика. Публицистика. Главы из «Истории Государства Российского» / сост., комм. Г. П. Макогоненко. Л.: Художественная литература, 1984. С. 112.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев М. П. «Пророче рогатый» Феофана Прокоповича // Алексеев М. П. Сравнительное литературоведение / отв. ред. Г. В. Степанов. Л.: Наука, 1983. С. 96–118.
2. Алпатова Т. А. В. К. Тредиаковский-филолог в восприятии А. С. Пушкина // В. К. Тредиаковский и русская литература / отв. ред. А. С. Курилов. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 217–228.
3. Алпатова Т. А. В. К. Тредиаковский и Н. М. Карамзин (К постановке проблемы) // В. К. Тредиаковский – филолог, писатель, публицист / отв. ред. С. Н. Травников, Е. В. Сомова, Е. Г. Июльская. М.: Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, 2010. С. 219–238.
4. Коханова С. Б. Н. М. Карамзин – литературный критик: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1992. 16 с.
5. Кочеткова Н. Д. Критика 1780–1790-х годов. Сентиментализм // Очерки истории русской литературной критики: в 4 т. Т. I. XVIII – первая четверть XIX в. / под ред. Ю. В. Стенника. СПб.: Наука, 1999. С. 120–150.
6. Макогоненко Г. П. Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века. М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1952. 544 с.
7. Сапченко Л. А. Литературно-критическая позиция Н. М. Карамзина периода «Вестника Европы» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 4. С. 106–115.

REFERENCES

1. Alekseev M. P. [“Prophet Horned” by Feofan Prokopovich]. In: Alekseev M. P. *Sravnitel'noe literaturovedenie* [Comparative Literature]. Leningrad, Nauka Publ., 1983, pp. 96–118.
2. Alpatova T. A. [Trediakovsky-Philologist in the Perception of A. S. Pushkin]. In: Kurilov A. S., ed. *V. K. Trediakovskii i russkaya literatura* [V. K. Trediakovsky and Russian Literature]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2005, pp. 217–228.
3. Alpatova T. A. [V. K. Trediakovsky and N. M. Karamzin (On the Formulation of the Problem)]. In: Travnikov S. N., Somova E. V., Iyul'skaya E. G., eds. *V. K. Trediakovskii – filolog, pisatel', publicist* [V. K. Trediakovsky – Philologist, Writer, Publicist]. Moscow, Pushkin State Institute of the Russian Language, 2010, pp. 219–238.
4. Kokhanova S. B. *N. M. Karamzin – literaturnyi kritik: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [N. M. Karamzin as a Literary Critic: Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 1992. 16 p.
5. Kochetkova N. D. [Criticism of the 1780s–1790s. Sentimentalism]. In: Stennik Yu. V., ed. *Ocherki istorii russkoi literaturnoi kritiki. T. I. XVIII – pervaya chetvert' XIX v.* [Essays on the History of Russian Literary Criticism. T. I. XVIII – the first quarter of the XIX century]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1999, pp. 120–150.
6. Makogonenko G. P. *Nikolai Novikov i russkoe Prosveshchenie XVIII veka* [Nikolai Novikov and the Russian Enlightenment of the 18th century]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1952. 544 p.
7. Sapchenko L. A. [Literary and Critical Position of N. M. Karamzin of the Period of the “Bulletin of Europe”]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2017, no. 4, pp. 106–115.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Джанумов Сейран Акопович – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.
e-mail: DjanumovSA@mail.ru

Петухов Александр Дмитриевич – аспирант кафедры русской литературы Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.
e-mail: alexpetukhov44@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Seyran A. Dzhanumov – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Department of the Russian Literature, Institute of the Humanities, Moscow City Pedagogical University;
e-mail: DjanumovSA@mail.ru

Alexander D. Petukhov – Postgraduate Student, Department of the Russian Literature, Institute of the Humanities, Moscow City Pedagogical University;
e-mail: alexpetukhov44@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Джанумов С. А., Петухов А. Д. Идеино-эстетическая программа Н. М. Карамзина в статье «Пантеон российских авторов» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 1. С. 87–97.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-1-87-97

FOR CITATION

Dzhanumov S. A., Petukhov A. D. Ideological and Aesthetic Program of N. M. Karamzin in the Article “Pantheon of the Russian Authors”. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2023, no. 1, pp. 87–97.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-1-87-97